

1

«Не хочу», — думала Катя, проходя контроль безопасности в аэропорту. «Не хочу», — билось в голове во время ожидания посадки. «Не хочу!» — застонала каждая клеточка ее тела, когда самолет начал разгоняться на взлетной полосе.

— Ну хватит уже, — сказал отец, со вздохом расстегнув ремень безопасности, как только погасло табло «пристегните ремни».

— Что хватит?

— Дергаться и ненавидеть весь мир за то, что приходится ехать не туда, куда хочется. — Он помедлил, словно сомневался, не следует ли придержать слова при себе, но все-таки проговорил: — Если все пройдет хорошо, то в августе съездим куда-нибудь еще.

— Во Францию? — вспылала надеждой Катя.

— Может быть. Посмотрим.

Кате сразу стало легче. Три месяца назад она начала учить французский по самоучителю и видеоурокам в Интернете и очень хотела проверить знания на практике. Она надеялась, что этим летом они поедут во Францию, но пару недель назад отец вдруг заявил, что его отправляют в командировку в Сибирь на целых три недели. И куда — в самую глушь, где даже Интернета нормального нет. Катя и не знала, что в стране еще остались такие места.

Ей до последнего хотелось верить в то, что поездка сорвется. Или в то, что мама согласится взять ее к себе — она с Вадиком, младшим братом Кати, жила в другом городе. Но все шло по плану, отцу писали, что его ждут, а мама снова сослалась на нездоровье Вадика и отказалась принимать Катю.

— Это полезный опыт, — в который раз сказал отец. — Скорее всего, больше тебе такой возможности не представится. Это удивительные места. Суровые, красивые. Люди там живут по-другому. Кроме того, ты можешь помочь деревенским детям с английским.

— Разве не ты едешь учить их английскому? — проворчала Катя.

— Да, но ты могла бы присоединиться и подать пример. Увидят, что школьница так хорошо знает язык, и поймут, что нет ничего невозможного.

Это отец сказал полушутя. Хотя всего пару недель назад Катя сдала экзамен по английскому за девятый класс на твердую пятерку и вполне свободно общалась с иностранными школьниками по Интернету, он считал, что дочь ленится и ее знание языка оставляет желать лучшего.

— Ладно, может быть. Все равно там будет тоска смертная. Долго нам лететь?

— Семь часов.

Катя едва сдержала стон. Семь часов! Будто бы на самый край света. Чтобы чем-то себя занять, Катя достала электронную книгу и подумала, что за этот полет прочитает всю свою библи-

отеку. Однако она одолела всего лишь четверть уже начатого романа и уснула.

Ей приснился причудливый и странный сон. Катя стояла у большой скалы. Примерно в середине была деревянная дверь, которую со скрипом покачивал ветер. Рядом текла река.

В ушах звенела тишина, в душе поселилась тревога. Кате было страшно, хотелось бежать прочь, но сделать первый шаг было боязно. Да и бежать, собственно, было некуда: с одной стороны река, с другой — скала и густой, неприступный лес.

Вдруг послышался низкий утробный звук. Катя вздрогнула и обернулась. Между хвойных деревьев показалась оленья голова, увенчанная огромными ветвистыми рогами. Олений стон слился с протяжным скрипом — очередной порыв ветра, сильнее предыдущих, полностью распахнул дверь в скале. Из открывшейся пещеры поползла огромная черная тень.

Катя вскрикнула и проснулась.

— Ты что? — отец тоже вырвался из дремы.

— Ничего, так...

Он тут же задремал снова, а Катя, восстановив сбившееся дыхание и выпив воды, услужливо принесенной бортпроводником, рассеянно блуждала взглядом по салону.

Разумеется, спать больше не хотелось. Кате вообще редко снились сны, а уж кошмары — еще реже. Последний раз это случилось пару лет назад, когда она гостила у мамы. Вадик постоянно плакал, она плохо спала, и ей снились самые

страшные моменты из собственной жизни: когда она упала в большую яму и не могла выбраться, когда украли ее любимый велосипед, когда уезжала мама. Но этот сон не был похож на все предыдущие. Катя понадеялась, что это не дурное предзнаменование. Ведь, по идее, она ехала туда, где водились как раз такие олени — серобурые, невысокие, с замшевыми ветвистыми рогами. Но неужели они и правда могут издавать такие звуки? И дверь в скале — откуда, зачем?

Впрочем, страшнее всего была тень. Черная, ползущая прямо к Кате, она внушала суеверный ужас.

Катя вздохнула и поудобнее уселась в кресле. По самолету ходили люди. Обычно ее это раздражало — и чего им не сидится! — но во время семичасового перелета любое разнообразие радовало глаз. Какое-то время она наблюдала за проходящими. У многих пассажиров были черные волосы и смуглая кожа. Якуты, догадалась Катя, летят на родину. Это понятно. Но остальные-то куда? «Наверное, тоже в командировки какие-нибудь», — с тоской думала она, глядя на женщину с пышной светлой шевелюрой.

Та как раз остановилась рядом с их местами.

— Привет, — улыбнулась она Кате. — Рада таким каникулам?

— Что? В смысле?

— А, Лена! — проснулся отец. — Катя, познакомься, это Елена, заместитель директора в школе Симилэха. Ну, деревни, куда мы едем. Она организовала нашу поездку.

— Приятно познакомиться. Извините, Сергей Васильевич, в последний момент успела на посадку. Приходила в себя...

— Да ничего страшного.

— Как получите багаж — ждите, пожалуйста, в зоне встречающих. За нами приедет машина и отвезет нас в гостиницу.

— Хорошо.

Катя сидела с мрачным лицом. Значит, эта Елена виновата в том, что вместо Франции им с папой пришлось ехать в сибирскую глушь.

— Уверена, Катя, тебе у нас понравится! Немного скучновато — это да, если сравнивать с городом. Зато красота неопишная.

— А олени есть? — спросила Катя.

Этот вопрос почему-то смутил Елену. Она приоткрыла рот, снова закрыла и наконец сказала:

— Да, конечно. Покажем тебе оленей. Ну, до встречи.

Женщина вернулась на свое место.

— Зачем тебе олени? — спросил отец. — Хочешь попробовать?

— Что? Это как — попробовать?

— Ну, оленина — якуты часто ее едят.

— Ужас! — содрогнулась Катя.

Она никогда не питала особой симпатии к оленям, но сейчас, когда увидела живого, пусть и во сне, ей стало не по себе. Как можно взять и съесть его?

— А в деревне разве есть олень? — перевела она тему.

— Нет, ты что, какой отель! Мы прилетаем в Якутск, переночуем, потом поедем в другой город, и уже оттуда нас повезут в деревню.

— Ты шутишь!

— Не шучу. Не переживай, доберемся, глазом моргнуть не успеешь.

Катя сердито уткнулась в книгу.

К моменту, как объявили снижение, она успела поспать, поесть, еще раз поспать и дочитать книгу. Наконец самолет пошел на посадку. Через иллюминатор Катя увидела мрачноватую пустынную местность. Если это центр области, то каково в деревне?

Они с отцом быстро получили багаж и направились к выходу. По пути их подхватила Елена, и вскоре они втроем забрались в просторный «Порше», за рулем которого сидел жизнерадостный якут. Он представился Николаем, потребовал, чтобы Катя села на переднее сиденье, и все время восклицал:

— А там у нас театр!.. А здесь — Дом дружбы народов!.. А вон там — музей с таким мамонтом, закачаешься!

За окнами машины проносились в основном однотипные серые многоэтажки, иногда — деревянные строения, очень редко — какие-то яркие пятна: рисунок на стене дома, красиво оформленный цветник на площади, редкие и небольшие торговые центры. Но водитель так искренне восхищался всем вокруг, что Кате передалось его настроение и на душе полегчало.

— Мы сможем сходить в музей? — спросила она отца.

— На обратном пути, думаю, сможем.

— В Музей вечной мерзлоты сходите обязательно! — горячо поддержал водитель.

— То есть как это — мерзлоты? — удивилась Катя.

— А вот так! Земли у нас совсем чуть-чуть, тонкий слой, а под ним — сплошной лед. Ну вот и сделали музей. Изучают. И правильно делают. Мало ли что там, в этих льдах.

Он проговорил это простодушно, но Кате вдруг вспомнилось тревожное чувство, охватившее ее во сне.

«Устала с дороги», — сказала она себе.

Николай привез своих пассажиров к невзрачному многоэтажному дому. Если бы не потертая надпись возле подъезда, догадаться, что здесь расположена гостиница, было бы невозможно. Катя мысленно приготовилась к самому худшему, но внутри оказалось светло, чисто и довольно современно — даже кулер стоял. Приветливая девушка быстро зарегистрировала постояльцев и протянула ключи — целых три. Кате было приятно, что для нее предусмотрели отдельный номер.

— Ложись сразу спать, — посоветовал отец. — Завтра в семь подъем, завтрак и выезжаем.

— Так ведь рано еще, — Катя посмотрела в окно, за которым серело небо.

Елена рассмеялась.

— Здесь не темнеет! Ночи сейчас совсем белые.

— У нас плотные шторы, — с гордостью сообщила девушка на стойке регистрации. — Туристы хвалят.

В номере было просто и не очень уютно: одноместная кровать, тумбочка, шкаф и вешалка. Катя подошла к окну. Улица была пустынная, ощущалось приближение ночи, однако небо, действительно, и не думало темнеть. Так странно. Кате приходилось видеть белые ночи в Санкт-Петербурге, однако здесь все было совсем иначе.

Она задернула шторы — и в самом деле очень плотные — и, не раздеваясь, прилегла на кровать. Сразу же сморил зыбкий сон. В него прокрадывались приглушенные звуки — кто-то ходил по коридору, скрипела дверь соседнего номера, доносились чьи-то голоса. А потом раздался стук, тихий и четкий.

Катя вздрогнула, осознав, что стучат к ней, и проснулась. Посмотрела на часы. Одиннадцать тридцать. Наверное, отцу что-то понадобилось. Может, изменилось время выезда? Хорошо бы.

Стук повторился. Катя встала, пригладила волосы и открыла.

На пороге стояла девочка-якутка в синем платье, на вид ей было около десяти.

— Привет, — сказала Катя. — Чего тебе?

Вместо ответа девочка схватила ее за руку и уверенно повела за собой. Катя не сопротивлялась: сонное состояние не позволяло трезво

оценить ситуацию. Она решила, что кто-то из взрослых попросил привести ее и, значит, дело срочное.

Девочка свернула раз, другой и вывела Катю в пыльный коридорчик. В его конце что-то темнело. Девочка показала туда. Катя медленно пошла вперед.

Закуток не был освещен, но в него падал свет из коридора, по которому они пришли. Катя надеялась через пару шагов разглядеть, что там такое, но черная глыба была уже прямо перед ней, а она все не могла понять, что это.

За спиной послышался щелчок, зажегся свет. От неожиданности Катя отшатнулась — прямо перед ней, тускло поблескивая круглыми стеклянными глазами, стояла мохнатая фигура мамонтенка. Шерсть запылилась и местами вытерлась, один бивень был отломан, по другому бежали трещины. У Кати сжалось сердце, хотя она и сознавала, что это даже не чучело, ведь мамонты вымерли давным-давно, и, насколько она знала, полностью сохранившихся тел — раз, два и обчелся. И все они под зорким оком исследователей, а никак не в гостинице средней руки.

Она оглянулась через плечо. Коридорчик был пуст.

Катя пожала плечами, вернулась в номер, приняла душ, переделась в пижаму. Что-то заставило ее выглянуть в окно, и она увидела отца. Он шел к гостинице вместе с Еленой. Они оживленно беседовали, смеялись. Кате было

неприятно. Полная дурных предчувствий, она забралась под одеяло.

В ее невнятных и зыбких снах были белые ночи, бурые скалы и вечная мерзлота, из которой на нее смотрели тусклые стеклянные глаза мамонтенка.

Где-то вдалеке слышался рев.

2

Катя проснулась вовремя, привела себя в порядок и спустилась к завтраку. Сергей Васильевич и Елена уже сидели за пластиковым столом, какие обычно бывают в простых уличных кафе. Подали омлет с овощами и сыром, оказавшийся очень даже вкусным. По утрам Катя обычно пила чай, но тревожные сны сделали свое дело, и она, как взрослые, попросила кофе.

— Детям вообще-то вреден кофеин, — встала Елена.

Катя вспыхнула и едва сдержалась, чтобы не ответить резко и грубо. Что эта Елена вообще о себе возомнила?

— Все в порядке, — примирительно сказал Сергей Васильевич.

Но Катино настроение, и без того неважное, было окончательно испорчено. Она второпях закончила завтрак, сказала, чтобы отец постучал, когда надо будет выходить, и ушла, прежде чем ей могли возразить.

По дороге захотелось еще раз посмотреть на мамонтенка. Катя без труда нашла коридор, по которому шли они с девочкой, и свернула в закуток.

Мамонтенок никуда не делся, вот только вместо стеклянных глаз зияли пустые глазницы. Это создавало жуткое впечатление. Казалось, мамонтенок вышел напрямиком из страны мертвых.